

В ПОИСКАХ СЦЕНИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ

Южная правда
Г. Николаев

В ТЕАТРЕ имени Чкалова шел новый спектакль В. Лаврентьева «Чти отца своего». Сцена объяснения Максима с матерью — кульминационная в спектакле. Максим, только что навсегда расставшийся со своей любимой девушкой, уступая настойчивому требованию матери, вынужден раскрыть перед ней суровую правду: он болен лучевой болезнью и не имеет права обзаводиться семьей.

Артист Ростислав Ермолаевич Гинет необыкновенно тепло и душевно проводит эту сложную сцену. Он сумел создать в зале нужное настроение, вызвать ответные эмоции.

Казалось бы, чего же больше может желать артист?

После окончания премьеры Ростислава Ермолаевича за кулисами поздравляли с успехом, а он отвечал невпопад, был задумчив, невесел.

Что же произошло? Оказы-

вается, именно сцена объяснения с матерью, вызвавшая только что такое одобрение зрителей, не удовлетворила артиста.

— Мизансцена построена так, — объясняет Гинет, — что в середине монолога я вдруг почувствовал: в продолжении его нет никакой необходимости. Мать уже справилась со своим состоянием и больше ни в каких утешительных словах не нуждается. Непременнo нужно переделать эту сцену.

И так всегда. В каждой своей реплике, в каждом монологе он ищет внутреннюю правду, обоснованность сценического поведения своего героя.

...Перед войной, когда Ростиславу Гинету едва исполнилось пятнадцать лет, у него было желание стать моряком или артистом. Война сама сделала за него выбор. Закончив Высшее морское училище имени Фрунзе в Ленинграде, он стал кадровым военным моряком. После демобилизации им снова овладела мысль о сцене.

Свою сценическую жизнь Гинет начал в труппе старейшего на Украине Одесского театра имени Октябрьской революции, работал рядом с крупными мастерами сцены, под руководством умных и талантливых ре-

жиссеров, в том числе народного артиста СССР В. С. Василько. Он тогда еще понял: искусство не терпит фальши. И у него выработалось хорошее правило: никогда не выходить на сцену, если тебе нечего сказать зрителю.

Не по душе ему была первая роль, которую предложили на николаевской сцене. Врач Гончаров в пьесе Л. Горбачова «Человек человеку...», правда, положительный персонаж. Но молодого драматурга подстерегла та же опасность, что и многих других советских авторов: образ профессора Скопичева — карьериста, лжеученого был выписан ярче, колоритнее, чем образ Гончарова.

Ростислав Ермолаевич сказал режиссеру:

— Так это же не человек, а ходячий плакат — резонер, как его играть?

Гинет решил «очеловечить» Гончарова, сделать его более земным, осязаемым. Он выверял каждую свою реплику, фразу, добиваясь правдивости звучания. И зрителю становится близким и родным этот скромный и очень талантливый врач, который так много претерпел и все же остался настоящим человеком. Потом было еще мно-

го разных по характеру ролей, и зритель имел возможность познакомиться с разносторонним сценическим дарованием артиста.

Среди всех этих ролей особое место занимает роль Фрунзе в спектакле «Финал» Строгова.

Образ Фрунзе в искусстве — это целина. Гинет гордился, что именно ему доверена такая работа, и было страшно — справится ли?

Он старался использовать все для того, чтобы обогатиться дополнительными сведениями об этом замечательном человеке и полководце. Он рылся в архивах многих городов, где действовал Фрунзе и где содержались документы о нем — знаменитой битве за Перекоп, встречался с участниками боев — людьми, лично знавшими Фрунзе и сохранившими в своей памяти много ярких воспоминаний, подробно, во всех деталях изучал его внешний портрет.

В те дни прекрасным союзником его была живопись, которую он любит почти так же страстно, как и театральное искусство. Он садился за мольберт, и тотчас же приходило спокойствие и уравновешенность, вместе с изображениями

на полотне появлялись новые решения образа Фрунзе, от которого он не мог оторваться в мыслях.

Каким же рисует его Р. Е. Гинет? Фрунзе не был военным человеком. Он был революционером и действовал так, как подсказывали в то время обстоятельства революции. Именно таким, очень мягким и душевным, близким и любимым для красноармейцев человеком, самородком, которого выдвинула революция на высокий военный пост, и рисует его артист. Таким бесконечно гуманным и преданным делу революции мы видим его в кабинете у Ленина, и у костра с красноармейцами, и тогда, когда, пренебрегая опасностью, он ведет их в решающий бой.

Р. Е. Гинет очень часто и охотно встречается с традициями на заводах и фабриках, с молодежью в учебных заведениях, и очень ценит любые, даже самые мелкие замечания, которые они высказывают по поводу созданных им в театре образов. «Потому что, — говорит он, — наш народ по своей природе очень чуток. Он не приемлет фальши».

На одной из таких встреч в ремесленном училище воспитательница сказала:

— Всем хорошо ваш Фрунзе, видишь его, как живого. Только уж слишком молод.

Как будто безобидная фраза,

но артист очень много думал над ней. Ведь в те годы Фрунзе было как раз столько лет, сколько и ему, значит не в годах дело. Видимо, заключил Ростислав Ермолаевич, ему не удалось достаточно полно передать государственную мудрость Фрунзе, и он начал вносить поправки в столь тяжело выстраданный и уже полностью заверченный образ.

Совершенствование образа идет у артиста все время, пока спектакль держится в репертуаре. Семьдесят девять раз был показан спектакль «Человек человеку...», пятьдесят восемь — «Финал», и каждый раз Гинет вносит в созданные им дегища что-то новое, все время экспериментирует.

Известно, что каждая премьера в театре — событие, праздник не только для актеров, но и для зрителей, и как бывает обидно, если праздник не состоялся, если то, чего зритель ожидал от спектакля, он не получил.

Р. Е. Гинет — поборник яркой театральности, противник скуки и серости в искусстве.

— Иные артисты, — говорит он, — создавая образ, стараются полностью скопировать жизнь. Мое же кредо такое: «Как в жизни, но чуть-чуть лучше».

К этому призывали и великие мастера сцены.

Т. ТРЕСКУНОВА

4.12.1964
ДФК 1964